

Каждому имени – свой пьедестал

Скупая мужская улыбка и удивительно добрый взгляд. Даже грусть, отражающаяся в глазах, была светлой и теплой...

Таким запомнился мне на параде Победы 9 мая 2019 года Хавиль Сабирович Рахимов. Он скромно сидел в одном ряду со своими товарищами, отважными представителями опаленного войной поколения. А перед ними в едином парадном строю чеканя шаг и отдавая честь прошли мои одноклассники. В каждом их них ветераны могли увидеть себя в молодости, когда еще ничего не предвещало беды. Воспоминания вновь встревожили их сердца. А в воздухе пахло весной: настоящей, долгожданной, Победной!..

С большой надеждой готовился Хавиль Сабирович к встрече этого года – юбилейного для всей нашей страны, в жесточайших боях отвоевавшей свою свободу. И мы – наследники Великой Победы – с особым чувством готовимся к празднованию этой особой даты. Вот только редуют ряды ветеранов. В последних числах декабря не стало и Хавиля Сабировича Рахимова. Сердце отважного воина перестало биться на 95-м году жизни...

Хавиль Сабирович был открытым человеком, охотно приходил на встречи со школьниками, участвовал в мероприятиях. Несмотря на уже почтенный возраст, о боях он все помнил в деталях. Как сражались до победного, как погибали товарищи, как ждали дома родные... Судьба уберегла его на войне, но навсегда остались шрамы на сердце от горьких воспоминаний. Помните строки: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне»? Так и есть. По рассказам ветерана все боялись смерти, но шли в бой. За Родину, за счастье жить под мирным небом, работать, растить детей, воспитывать и баловать внуков. «Пусть мы, ветераны, останемся единственными участниками и свидетелями этих тяжелых событий, а вы лишь читайте о них. Война – это страшно. Цените и берегите мирное время!» – призыва нас Хавиль Сабирович. И эти слова глубоко запали мне в сердце, как и все его рассказы, воспоминания. Вот они:

Про детство...

Родился я 18 мая 1925 года в селе Дюм-Дюм Елабужского района Татарии. Отец, Сабир Рахимов, в молодости работал шахтером в Донбассе. Потом приехал в татарскую деревню. Купил дом и женился. Мама, Саида Каримова, родила ему 4 детей. Самая старшая сестра – 1917 года рождения, потом брат с 1921 года, следом иду я и младшая сестренка 1930 г. Мать работала председателем сельсовета, с 1929 года являлась членом партии и даже занимала должность парторга. В округе было пять деревень, так вот именно в нашем селе была партийная организация.

Про техникум...

В 1937 году я закончил 7 классов и собирался поступать в Мамадышский педагогический техникум, хорошо сдал экзамены, и все вроде бы ничего, если бы не один случай. Нам нужно было сдавать предмет – Конституцию. Преподаватель не явился на экзамен, и нам сказали, что опрашивать нас будет сам директор. Нас, абитуриентов, он повел в свой кабинет. Помню, нужно было спуститься по лестнице. Впереди идет директор, а позади мы – трое мальчишек. Вдруг один из ребят меня толкнул, ну я, естественно, задел и этого преподавателя, да так, что тот чуть не упал. Как он после этого ругался!!! Злой был невероятно. Даже назвал меня хулиганом! Я ему попытался все объяснить, да он и слушать меня не хотел. Экзамен по Конституции я сдал хорошо, но директор тогда мне прямо сказал: «Вы у нас учиться не будете! Нам здесь хулиганы не нужны!» Меня не приняли, как недисциплинированного.

Война...

Раз в техникум не поступил, пришлось устраиваться на работу. До войны я трудился налоговым агентом в своем сельском совете. Хорошо помню тот день, когда объявили о нападении фашистской Германии. Народ очень плохо воспринял это известие, сразу все как-то поникли. Расстроились. Моего старшего брата Закарию первым забрали на фронт. Он вернулся живой, правда, с ранением. В 54 года он умер в Самарканде.

Вернитесь с наградами!

Меня призвали в январе 1943 года. К тому времени нас у родителей остались двое – одни сыновья. Мои сестры умерли еще детьми. Помню, что мать и отец перед отправкой на фронт давали нам наставления: «Не бойтесь! Служите честно! Если Бог вас бережет, вы не умрете, а если нет, то знайте: вы всегда останетесь в памяти людей». Призывали нас не бояться трудностей, хотели, чтобы мы отличились и вернулись с наградами!

Из пулеметчиков в десантники

Конечно, тогда у нас, молодежи, никакого страха не было. Хотелось скорее на передовую, защищать свою страну. На сначала отправили в Удмуртию, в Можгу, во 2-е Московское пулеметное училище. Там я учился на пулеметчика. По окончании мне должны были присвоить звание лейтенанта, но нас спешно оправили на фронт. Тогда нужны были солдаты – те, кто мог воевать, а не командовать. Так мы прибыли в Раменское, где формировались. Это были десантные войска, мы изучали устройства парашюта, пытались прыгать. Поначалу с корзины, а затем уже с самолета. Были и такие, кто делал неудачные прыжки. Неправильно сложил парашют, который в нужный момент не раскрылся, и человек получал тяжелые травмы. Однажды прыгали и одному солдату стропой отрезало голову. Всякие случаи были.

Первый прыжок

Во время первого прыжка только и думаешь, правильно ли ты все делаешь. Очень страшно было. Ведь тут нужно умение, важно обязательно приземлиться

на обе ноги. Если на одну, значит, точно перелом. Десантные войска, может быть, и поэтому самые дисциплинированные. Ведь одна ошибка может стоить тебе жизни.

На фронт

С Раменского нас отправили на фронт, в Карелию. Стояли мы недалеко от реки Свирь, на Лодейном поле. Сами рубили сосновый лес, делали большие лодки на 20 человек. На них мы переправились на другую сторону реки и начали наступление. Немцы хорошо держали оборону, постоянно шел артобстрел. А ведь лето, там не темнеет вообще: белые ночи. Мы воевали круглые сутки, не спали, не ели (кухня не могла к нам подойти). Мы, когда проходили через деревни, брали у людей картошку и прямо сырую ее ели. Костры разжигать нам не разрешали. Вот иногда врага убьешь, сухари у него заберешь, хоть какая-то подмога...

«Кукушки»

В лесу на деревьях сидели «кукушки». Это так маскировались враги. Среди веток их практически не было видно, зато мы внизу у них как на ладони. Они постоянно по ним стреляли. Мы, конечно, тоже отвечали огнем, а они не падали с деревьев! Оказывается, они привязывали себя к дереву, и как тут понять, попал ты в него или нет?! Уже потом сообразили, что надо на голову смотреть, чтобы она вниз смотрела.

В лесу...

Нам была дана команда «Лечь!» А мы, не спавшие уже несколько суток, и уснули. В это время наш батальон встал и ушел в сторону. Мы проснулись, смотрим, впереди пехота лежит, спит, руководства нет. Что делать? Солдаты попросили одного лейтенанта взять командование на себя. Всего нас было 20 человек, вокруг как будто ни души. Плутали мы несколько часов, я сразу подумал, что мы по кругу ходим: «Смотри, лейтенант. Здесь трава примята, значит, в этом месте мы уже были!» но он никого не слушал. Усталость была жуткая, наконец, мы вышли на поляну, а там финский эвакогоспиталь. Противники начали отстреливаться. Ранило меня и еще троих. После этого случая у меня среднего пальца нет. Делать нечего, надо отходить в тыл. Солдаты плачут, умоляют взять командование на себя. Пришлось согласиться!

Новый командир

Семь часов я командовал своим взводом, с нами были пехотинцы и двое минометчиков, с собой еще пулемет «Максим». Идем мы по лесу, и вдруг один солдат обнаружил три провода, а вокруг свистят пули, рвутся снаряды. Я моментально отдал приказ: «Обрезать!» Ребята все выполнили, и сразу же огонь прекратился. По всей видимости. Впереди были наблюдатели, которые по телефонной связи корректировали обстрел, говорили, где недолет или перелет. А тут связь прекратилась. Мы воспользовались затишьем и резко рванули вперед. Так мы вскоре догнали своих.

Никакой пощады врагу!

К этому времени финны начали отступать. Еще двоих наших бойцов ранили. Дошли мы до того самого полевого госпиталя. Только на этот раз преимущество было на нашей стороне. С охраной мы быстро разобрались, оставались раненые. Не пощадили никого, в живых не осталось ни одного человека. Раненые просили нас не стрелять, но я дал четкую команду... Нам враги шансов не давали... Пощады врагу не было никакой!

После боя

После окончания этого тяжелого многодневного боя меня, наконец, отправили в полевой госпиталь. Сначала меня осмотрели на месте, а потом попал в настоящую больницу, где пробыл три или четыре месяца. Палец я потерял, но хотя избежал заражения крови. После выписки я поехал в Москву. Сначала меня как бывшего курсанта пулеметного училища, хотели отправить в механизированную часть, но не сложилось. Нас забрали в г. Калинино, я снова попал в десантные войска. Опять изучение парашюта, прыжки. Кстати, их у меня было 21. И в марте 1945 года я снова попадаю на фронт...

Чуть не погиб!

Перед тем как поехать на фронт, нас повели мыться в баню. Шли мы. Как обычно, строем, организованно. А позади нас ехала машина, полуторка. Шоферы тогда были самые негодные люди. Туда брали тех, кто не мог быть полноценным бойцом, слепых, одноглазых, покалеченных. В общем, такой водитель наехал на наш строй. Я сам шел впереди и почувствовал удар, меня сзади толкнуло. А вот те, кто был позади, рядом с машиной, погибли, человек пять. Меня, видно, Бог уберег, я между двумя колесами оказался, задело меня не сильно. Я снова оказался в госпитале, на этот раз в Калинино. Пока наши войска готовились к отправке на фронт, меня в больнице навещали мои сослуживцы, приносили гостинцы: конфеты, пряники. Это ведь город был, продукты можно было купить.

В Вену!

В госпитале я пробыл неделю, врачи не хотели меня отпускать, но командир роты забрал. Сначала поехали в Венгрию, затем в Австрию. В Венгрии мы оказались уже под конец боевых действий, были всего несколько дней. А вот в Австрии под задержались. Наша задача была освободить Вену.

Мы зря не стреляли!

Я был командиром отделения пулеметного расчета и могу с уверенностью сказать, что знал свое дело хорошо! Мы зря не стреляли. Ведь, если пальнешь, сам не зная куда, можешь себя выдать, значит, противник наверняка тебя обнаружит, уничтожит пулемет и убьет людей. И только во время активного наступления нужно вести настоящую войну!

Уличные бои

В Вене шли преимущественно уличные бои. Обычно мирные граждане открывали окна своих домов и стреляли по нам. Передвигаться по городу было

совершенно невозможно. Командиры долго думали, что с этим делать, и, наконец, придумали. Собрали на площади несколько десятков мужчин, местных жителей, и объявили: «Если и дальше будете обстреливать советских солдат, сгоним вас всех вместе и сожжем! После этого стрельба прекратилась. А как с ними по-другому? Это же партизанская война, знаете, сколько наших они убили?!

Немецкий генерал

Нам все еще не удавалось взять Вену. На улицах завязался настоящий бой. Немцы обстреливали нас со всех сторон. Мы спрятались во дворе одного из домов. Краем глаза я заметил, что один мужчина небольшого роста, завидев нас, пустился наутек. Я насторожился и решил за ним проследить. Зашел в дом, в комнате вроде бы никого нет, осмотрелся еще раз и вдруг увидел, что из щели в дверце шифоньера торчит пистолет. Я со всего маха ударил по нему автоматом, открыл шкаф и... увидел немецкого генерала. Это был начальник штаба вооруженных сил немецких войск. Я поначалу этот шифоньер не заметил, житель-то я деревенский и такой мебели не видел. А он ведь мог меня застрелить... Так вот открыл я этот шифоньер, а там немецкий генерал на русском мне говорит: «Здравствуйте, сержант!» Оказывается, он переоделся в гражданское и что-то тут высматривал. Я быстро нашел немецкую девушку, взял ее с собой в качестве переводчицы и потащил генерала к своим. При нем был планшет, который он крепко держал в руках и никак не хотел отдавать. Я привел его к командиру дивизии, думаю, похвалят меня, грамоту выпишут. А он мне заявляет: «Раз взял генерала, иди и сдавай его в штаб полка. Я один наотрез идти отказался, человек важный, мало ли что. Но приказ есть приказ. Нас ведь на фронте сразу предупредил: указания командира не обсуждаются. Три раза не выполнишь, на четвертый – расстрел! Как бы мне страшно ни было, пришлось этого генерала одному через весь город вести. Пока мы разговаривали, к зданию подъехала австралийская легковая машина. Ее остановили и нас генералом хотели посадить туда. Я снова начал спорить: «Прежде чем сесть в автомобиль, нужно его проверить! Вдруг у них оружие, машина ведь чужая! И, правда, после осмотра там обнаружили 7 или 8 пистолетов, противотанковое ружье, гранаты, патроны – целый арсенал. Конечно, все это изъяли, и мы, наконец, поехали. По дороге нас остановили трое солдат-дезертиров. Начали спрашивать, куда мы едем, зачем. Хотели меня вытолкнуть из машины, мол, сами генерала отвезут. Я сопротивлялся, но силы были неравны. На мне порвали гимнастерку, нательную рубашку, заставили сесть на капот и поехали. Едем, я на капоте, скорость приличная, и тут, на мое счастье, дорогу перегородил наш второй батальон, который был в резерве. Я спрыгнул с капота, объяснил командиру ситуацию, тот сразу вызвал троих автоматчиков, беглецов арестовали, а нас уже с конвоем отправили дальше в путь!

Военная хроника

Доехали мы до места назначения, вышли из машины. Вдруг видим: идет толпа бойцов с криками «Ура!», а фотограф делает снимки. Дошли до нас, корреспондент меня сразу начал расспрашивать, кого веду, что за генерал. Я ему все рассказал, и он мне предлагает: «Давай я тебя сниму! Сержант, скоро война закончится, это же твой подвиг. Эту пленку потом все родные твои, друзья, вся деревня увидит! Ее перед каждым кинофильмом показывать будут». Я подумал и согласился. Сняли, как я пленного генерала веду. Запись до сих пор сохранилась!

Всех спас!

Генерала я этого сдал куда следует, вот только бумагу никакую мне не дали. Прямо категорически отказались: «Иди, Рахимов, догоняй свою часть!» и выгнали меня. Иду я обратно пешком, а мне до слез обидно. Вокруг стрельба идет, а я не замечаю ничего. Так я догнал своих, они уже перешли через мост и прятались от артобстрела в большом двухэтажном здании. Я зашел одним из последних, сесть было уже некуда, кое – как втиснулся на скамейку. Через несколько минут заходят полковник и подполковник, я сразу заметил погоны одной из танковых частей. А мест свободных нет. И вот они подходят ко мне и сгоняют со скамейки. Я встал, обиделся, как говорится, психанул и выбежал на улицу с криком «Ура!». А на войне, вы знаете, это коллективное чувство очень развито. И солдаты инстинктивно выбежали за мной. Внутри никого не осталось. Мы 30-40 метров пробежали и... ка -а-а-к даст! Артиллерийский снаряд попал прямо в то здание. Все смотрят друг на друга, не могут поверить, что живы, остались, меня благодарят. Получается, я им жизнь спас!

Пленные немцы

Когда освобождали немецкие территории, никому воевать особо не хотелось. Сотни немцев стремились сдаться в плен. У нас был приказ в пленных не стрелять, и фашисты знали об этом.

Ранение

А бой тем временем продолжался. Нашего командира взвода ранило, его зама тоже, пришлось командование чужим взводом брать на себя. Полтора дня я руководил, там меня ранило в обе ноги. Осколки попали глубоко, позади меня разорвался снаряд, меня аж подбросило. Улица была сделана из кирпича, так что я крепко ударился: бровь была рассечена, обе ноги сильно пострадали, сам я идти уже не мог. Лежу я посередине дороги, возле меня остановилась машина, а в ней тот полковник, который меня со скамейки выгнал, с ним была медсестра. Брюки зимние сразу обрезали, осмотрели и решили вести меня в госпиталь.

Любовь на фронте

В палате нас было шестеро. Мне врачи сразу сказали, что ноги будут ампутировать. Приходил сам начальник госпиталя и твердо заявил: «Только резать!» А я плачу, но все равно твержу свое: «Умру, но не отдам!» За мной ухаживала медсестра Надежда, она меня очень поддерживала: «Хавиль, не давай им резать. У нас таких случаев много было: ампутируют и через 30-40

дней домой отправляют. Кому хочется с тобой возиться?!» Сначала меня ругали, угрожали мне, а потом отстали. Медсестра Надежда меня выходила, кстати, она стала моей женой!

Нелегко был боевой путь Хавиля Сабировича Рахимова. Он отмечен фронтовыми наградами – медалями «За Отвагу!», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.», орденом Отечественной войны I степени. В составе 301-го стрелкового полка 100-й гвардейской пехотной дивизии воевал на Карельском фронте. Участвовал в освобождении Венгрии, Австрии.

Насыщенным и доблестным был трудовой путь ветерана: работал и главным бухгалтером в колхозе, и старшим налоговым инспектором, 26 лет заведовал финансовым отделом района. Хавилю Сабировичу присвоено почетное звание: «Заслуженный экономист России».

Достоин большого уважения и жизненный путь. Медсестра Надежда Ефтесеевна Паламршук и сержант Хавиль Рахимов поженились в 1946 году и прожили вместе 58 лет. У них двое детей, пятеро внуков и семь правнуков. Секрет своего долголетия ветеран видел в порядочной семейной жизни и в достойном воспитании родителей. Светлая память о нем будет жить не только в сердцах родных и близких, но и сотен нурлатцев, благодарных за ратный подвиг воина-освободителя...